

Глава 5

Успокой своё сердце

Подземелья не ведали дневного света, и стоило Фу Сюню выйти наружу, как яркое солнце больно ударило по глазам.

Хань Минь стоял неподалёку и о чём-то весело болтал с Вэй Хуанем. Его улыбка, казалось, сияла не менее ярко, чем небесное светило. Заметив принца, юноша после напоминания Вэй Хуаня обернулся и направился навстречу.

Принц Дин, ещё не привыкший к яркому свету после сырого холода камер, чуть прищурился:

— Что ты здесь делаешь?

Хань Минь протянул ему две увесистые стопки аккуратно перевязанных листов:

— Я закончил свод трудов и план действий, о которых говорил вчера. Решил принести их тебе прямо сейчас.

Фу Сюнь принял рукописи, бегло пролистав страницы:

— Благодарю. Ты проделал большую работу.

Заметив, что в руках у юноши осталась ещё одна кипа бумаг, государь добавил:

— Что-то ещё?

— Есть одна просьба, — Хань Минь замялся. — Я бы хотел попросить господина Вэнь Яня помочь мне.

Стоявший за спиной Фу Сюня советник, услышав своё имя, с удивлением посмотрел на юношу.

— Черновик доклада готов, — пояснил Хань Минь, — но мне нужно обсудить детали с господином Вэнем.

Фу Сюнь кивнул своему подчинённому:

— Ступай с ним.

— Слушаюсь, — отозвался Вэнь Янь.

Откланявшись принцу, он последовал за гостем. Фу Сюнь провожал их взглядом, пока к нему не подошёл гвардеец, протягивая запечатанный бамбуковый тубус.

— Ваше Высочество, это от наших людей из Тунчжоу.

Фу Сюнь вскрыл печать. Внутри лежал листок бумаги — закладная на родовое поместье семьи Хань. Именно её Хань Минь отдал под залог, чтобы раздобыть зерно и лекарства.

Немного подумав, принц спрятал документ в рукав.

Вернувшись на постоянный двор, Вэнь Янь распахнул дверь своей комнаты и отступил, пропуская гостя:

— Прощу, господин Хань.

Как и предупреждал Вэй Хуань, лицо цензора сохраняло холодное, почти суровое выражение. На столе лежала раскрытая книга. Хань Минь устроился перед ней, а Вэнь Янь, притворив дверь, сел напротив.

— Вчерашний поджог и песок в мешках — отличный повод для обвинения принца Гуна, — юноша протянул ему черновик. — Посмотри, что можно использовать.

Собеседник лишь коротко кивнул:

— Благодарю.

Хань Минь улыбнулся, заметив на краю стола листы, густо исчерканные тушью:

— Тоже пишешь?

— Сделал вчера кое-какие наброски, — сухо ответил Вэнь Янь. — Но мне далеко до твоего полёта мысли.

Хань Минь промолчал. Он давно знал, что этот человек его недолюбливает. Так повелось ещё со времён Академии: они вечно соперничали за первое место в списках лучших учеников. К тому же учёным мужам всегда была свойственна гордыня. Хань Минь тоже не питал к сопернику нежных чувств, так что за все годы они едва ли обменялись парой слов.

— Почему ты не отдал это принцу вместе с остальным? — внезапно спросил Вэнь Янь.

— Ты — его главный советник, — просто ответил Хань Минь. — Было бы неправильно подавать доклад в обход тебя.

— Ценю твою деликатность.

— Не стоит благодарности.

На мгновение в комнате повисла неловкая тишина. Однако сегодня Вэнь Янь повёл себя необычно: он взял брусок туши и принялся медленно растирать его в тушечнице.

— Если ты не занят, давай вместе доведём твой доклад до ума, — предложил он.

— Почему бы и нет, — согласился Хань Минь.

Несмотря на взаимную неприязнь, в глубине души каждый из них признавал талант другого. Хань Минь разложил свои письменные принадлежности и, подсев поближе, бесцеремонно толкнул того локтем:

— Подвинься немного.

Он вёл себя на удивление непринуждённо. Вэнь Янь лишь бросил на него быстрый взгляд, но промолчал, послушно освобождая место.

Они взяли чистые листы. Черновик вскоре покрылся пометками и исправлениями, превратившись в сплошное чёрное пятно. Иногда они подолгу спорили из-за единственного слова, не желая уступать.

— Это мой черновик, и я исправлю его так, как считаю нужным! — в конце концов воскликнул Хань Минь, выхватывая листок.

— Это нелогично, — Вэнь Янь поджал губы, пытаясь воззвать к его разуму.

Лишь в полдень, когда Вэй Хуань принёс обед, они решили сделать перерыв. Хань Минь уже потянулся палочками к блюду, как вдруг собеседник спросил:

— Почему ты всё-таки приехал сюда?

Юноша замер:

— Когда наше имущество описывали, Ваше Высочество помог моей семье. Я приехал, чтобы отплатить за добро.

Вэнь Янь посмотрел на него так пронизательно, словно видел насквозь.

— Ладно-ладно, признаю, — не выдержал Хань Минь. — У меня есть и свой корыстный интерес. Надеюсь, когда Ваше Высочество станет императором, он снимет опалу с моего рода.

Советник издал холодный смешок:

— Даже если бы ты ничего не делал, принц всё равно бы оправдал твою семью. Тебе вернули бы чины и звания. Всё, ради чего другие рискуют жизнью, досталось бы тебе просто так.

Хань Минь нахмурился:

— С чего бы это? За какие заслуги?

Вэнь Янь посмотрел на него со странным выражением:

— Ты правда не понимаешь?

— А что я должен понимать? — Хань Минь выглядел совершенно растерянным.

Цензор пристально изучал его лицо, словно пытаясь найти там скрытый смысл. Хань Миню стало не по себе от этого взгляды, и он мысленно позвал Систему.

«Тунцзы, что он несёт?»

[Вероятно, речь идёт о глубокой преданности между государем и его верным подданным]

Хань Минь кивнул и принялся за еду.

«А-а, вот оно что. Логично»

Хань Минь пробыл в Лючжоу ещё два дня. Он передал Фу Сюню все припасы и закончил работу над докладом вместе с Вэнь Янем. Пришло время прощаться.

Вечером того дня он сидел на перилах галереи постоянного двора, наблюдая за падающим снегом. Когда Фу Сюнь вернулся после дел, он увидел среди белой пелены фигуру в простом льняном платье. Накинутый на плечи плащ сполз, и капюшон откинулся назад. Юноша протянул руку, ловя снежинки пальцами, испачканными в туши.

Заметив принца, Хань Минь спрыгнул с перил, поправил одежду и вышел на снег.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Фу Сюнь.

— Тебя жду, — улыбнулся юноша.

Прежде чем он успел что-то добавить, книжник продолжил:

— Завтра на рассвете я возвращаюсь в Тунчжоу. Пришёл попрощаться.

Взгляд принца потемнел:

— Понятно. Завтра я провожу тебя.

— Не нужно, не стоит хлопот. Я просто хотел сказать «до свидания». И ещё кое-что...

Он достал из рукава три банковских билета и закладную:

— Верни это себе, Ваше Высочество.

Вчера вечером, когда Хань Минь вернулся в комнату, он обнаружил эти вещи на своём столе.

Принц Дин поджал губы:

— Это не моё.

— Ваше Высочество, не стоит лукавить, — Хань Минь пристально посмотрел на него.

Тот негромко кашлянул:

— Раз дали — бери. К чему возвращать?

На самом деле, передавая деньги, Фу Сюнь подозревал, что Хань Минь может отказаться. Поэтому он подавил желание всучить ему тридцать билетов и оставил только три.

— Ты ведь не принц Гун, у тебя нет своих лавок или поместий, ты не умеешь наживаться на других, — серьёзно произнёс юноша. — Твоим воинам нужно жалованье, казна наверняка выделяет крохи, и тебе приходится доплачивать самому...

В этот момент из дома вышел Вэй Хуань:

— Братец Минь, поздний ужин готов!

Хань Минь отозвался и, скатав билеты с закладной в трубочку, вложил их в ладонь принца:

— Забирай. Это твоё.

Он уже собрался уходить, но Фу Сюнь перехватил его за рукав и, удерживая на месте, с усмешкой посмотрел в глаза:

— Ты думаешь, у меня нет денег? Нет владений?

Книжник искренне удивился:

— А разве есть?

Лишь сейчас Фу Сюнь в полной мере осознал, что они не виделись два года. Теперь Хань Минь остался единственным человеком на свете, кто мог всерьёз полагать, будто он беден и нуждается в возврате трёх несчастных билетов.

— Пойдём поедим вместе? — предложил юноша.

— Пойдём, — кивнул принц.

Уже в комнате Хань Минь осторожно дул на горячую рисовую кашу в своей чашке.

— Ты заложил родовое гнездо, — негромко произнёс Фу Сюнь. — Не боишься, что кто-то перекупит его и ты не сможешь вернуть дом?

— Не боюсь. Я договорился с заимодавцем, что буду выкупать его по частям.

Немного помолчав, юноша добавил:

— Я сам заработаю на выкуп. Тебе не стоит тратиться на это. Если есть возможность вернуть эти деньги — верни их лучше в дело.

Фу Сюнь лишь тихо рассмеялся, ничего не ответив.

«Всё такой же простодушный»

На следующее утро Хань Минь отправился в путь точно так же, как и приехал: в грубой одежде, с волосами, перехваченными простой лентой, и с ясным блеском в миндалевидных глазах.

Фу Сюнь, проявляя почтение к талантам, лично вёл его лошадь под уздцы до самых городских ворот. Выехав из города, они поскакали бок о бок и расстались лишь в десяти ли от стен Лючжоу.

Принц придержал коня и посмотрел на юношу:

— Успокой своё сердце.

— Само собой, ведь ты же...

«Тот самый Принц Дин, которому Системой предназначено стать императором»

Однако в последний момент Хань Минь прикусил язык и сказал другое:

— Будь осторожен во всём, Ваше Высочество. Если вдруг дела пойдут прахом — скорее добирайся до Тунчжоу и ищи меня. Я уже продумал пути к отступлению, так и быть, прихватчу тебя с собой...

Он, как всегда, любил шутить.

— Не понадобится, — твёрдо ответил Фу Сюнь.

Проехав ещё немного, Хань Минь обернулся:

— Ваше Высочество, мы уже далеко отъехали. Ещё немного — и до моего дома доберёмся.

Фу Сюнь натянул поводья, останавливая коня. Хань Минь посмотрел на него. Он просил Систему подобрать пышные стихи о расставании государя и верного слуги, но сейчас, в миг прощания, не смог вспомнить ни строчки.

— Ну, я поехал, — тихо произнёс он. — После землетрясения возможны новые толчки, береги себя.

Фу Сюнь едва заметно кивнул и махнул рукой, отпуская его. Стоило юноше тронуть коня, как принц негромко повторил:

— Успокой своё сердце.

Он явно полюбил эту фразу. Хань Минь обернулся и с улыбкой отозвался:

— Я знаю.

Конь сорвался в галоп, ветер наполнил широкие рукава. В облике этого книжника была видна нестигаемая стать. Фу Сюнь стоял и смотрел ему вслед, и едва заметная улыбка коснулась его глаз.

Принц считал, что их с Хань Минем можно назвать друзьями детства. Но он и сам не мог сказать точно, когда именно дружба переросла в любовь.

Может быть, в тот год, когда они с друзьями катались по озеру, и Хань Минь, выбежав на нос лодки, отобрал пипу у музыкантши и принялся петь сочинённые на ходу стихи?

А может, во время дворцового пира, когда под звуки мелодии о сливе Хань Минь окликнул его по имени и бросил ветку цветущего дерева — вместе с самим собой — прямо ему в объятия?

Тот прыжок потряс всё его существо. С тех пор, как Фу Сюнь впустил юношу в своё сердце, место, которое тот занимал, становилось всё больше.

В столице Юньань, в императорском дворце и в домах знати было полно их ровесников, ставших друзьями с малых лет. Но только Хань Минь мог думать, что у принца нет ни гроша за душой, продать ради него родовое поместье и всё равно беспокоиться о возврате трёх несчастных билетов.

Даже если бы всё это было лишь ради спасения рода Хань... Но Хань Минь говорил ему: «Если проиграешь — неважно, я заберу тебя с собой».

Искренний и добрый.

Лишь когда пелена снега окончательно скрыла силуэт всадника, Фу Сюнь развернул коня. Детское знакомство, юношеская дружба, тяготы опалы и коварство придворных интриг — всё это на миг стало неважным, словно дым.

В одной фразе «успокой своё сердце» и в одном ответе «я знаю» они оба открыли друг другу свои истинные чувства.

Хань Минь скакал по заснеженной дороге, когда вдруг заметил впереди пограничный столб. Каменный столб был занесён снегом, но надпись на нём всё же угадывалась.

Фу Сюнь умудрился проводить его до самой границы Лючжоу. В древности книжники искали достойных правителей, способных оценить их талант. Хань Минь никогда не считал себя правоверным последователем традиций, но сейчас его сердце дрогнуло.

Юноша картинно прижал руку к груди:

— В «Троецарствии» Лю Бэй точно так же провожал Сюй Шу. Я, как тот Сюй Шу, совершенно очарован.

«У тебя совсем нет гордости», — обречённо вздохнула Система.

«Да какой книжник устоит перед таким? Кто из нас выдержит?»

«Приди в себя!»

<http://bllate.org/book/15310/1354291>